
Библиотека проекта Бориса Акунина
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА
ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года*

Макет — Андрей Ферез

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством Shutterstock и свободными источниками

Валишевский, Казимир

В15 Елизавета Петровна. Дочь Петра Великого: / Казимир Валишевский. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 480 с.: ил. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-115210-9

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков.

Елизавета I Петровна — блистательная всероссийская императрица, младшая, любимая дочь Петра Великого, продолжившая его политический курс.

Период ее правления считается самым благополучным в истории страны. Громкие победы русского оружия заставили говорить о Елизавете как о «вершительнице европейских судеб» и вернули России утерянный после смерти Петра I статус великой державы. Из двадцати лет царствования Елизаветы Петровны двенадцать были мирными. Такого российская история не знала давно. От позиции России зависел финал любой военной, дипломатической или экономической акции европейского масштаба. В стране отменили смертную казнь, были заложены основы системы образования и здравоохранения, появились первые русские банки, Московский университет и Академия художеств. Внутренние таможенные пошлины — символ раздробленности страны — ушли в прошлое. За время её правления обследованы и заселены земли Сибири, она возродила роль Сената и добилась экономической стабильности.

Эта «капризная ветреница», как ее называли при дворе, легко обводила вокруг пальца не только монархов-мужчин, но и знаменитых дам того времени — австрийскую императрицу Марию Терезию и интриганку-фаворитку французского короля маркизу де Помпадур, умело использовала «закулисные игры» на благо Отечеству.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Часть первая
ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА

Глава I

Ноябрьский переворот 1741 года

I

Она родилась 19 декабря 1709 года. Год этот достаточно памятен уму и сердцу каждого русского человека.

В это время отец Елизаветы не был еще повенчан с ее матерью, в чем впоследствии жестоко упрекали обеих дочерей, Анну и Елизавету, родившихся от этого союза, столь странно возникшего и испытавшего такие необычайные переживания. Но в это же время Петр вернулся в Москву после Полтавы в сопровождении целого поезда шведских пленников, и эта слава окружила даже его новое потомство таким сиянием, что, невзирая на страшные потрясения и мучительные испытания, судьба великой империи оказалась неразрывно связанной с участью смиренной ливонской пленницы и ее дочерей.

Как известно, после неожиданного возвышения Екатерины Первой и преждевременной смерти Петра Второго наследие Полтавского героя сделалось предметом спора между тремя ветвями царствующей династии. Елизавете сначала как будто вовсе и не суждено было принять участие в этом соперничестве. Вступив на престол, ее мать возымела относительно нее весьма честолюбивые замыслы, направленные совершенно в другую сторону. Это отразилось на детстве и на воспитании Елизаветы. Старшая дочь императрицы, Анна, заключила более или менее подходящий брак в Германии, и Екатерина «по важным соображениям» желала, чтобы младшая дочь ее умела говорить по-французски и хорошо танцевала менуэт. «Соображения» эти известны. Менуэт должен был произвести впечатление в Версале: императрица думала, что большего и нельзя было требовать от благовоспитанной принцессы.

Поэтому, за исключением учителей французского языка и учителей танцев, воспитание цесаревны было предоставлено ее собственному усмотрению. Неудивительно, что оно не было особенно мудро направлено. Елизавета не любила ни читать, ни учиться. Она заполняла время верховой ездой, охотой, греблей и уходом за своей несомненной, хотя и не очень тонкой красотой.

Черты ее лица были неправильны, нос короткий, толстый и приплюснутый, но великолепные глаза украшали и освещали ее лицо. Впоследствии, имея или воображая, что она имеет власть над зрением художников, она не допускала правдивого изображения своего носа на портретах, и знаменитому граверу Шмидту пришлось переделать его на портрете Луи Токке.

По той же причине она никогда не позволяла изображать себя в профиль. Но она была хорошо сложена, у нее были красивые ноги, бело-снежное свежее тело и ослепительный от природы цвет лица. Несмотря на пристрастие к французским модам, она никогда не пудрила волосы. Они были того красивого рыжего цвета, что так ценится любителями венецианской красоты. И от всего ее существа веяло любовью и сладострастием.

В первой молодости, в костюме итальянской рыбацки, в бархатном лифе, красной коротенькой юбке, с маленькой шапочкой на голове и парой крыльев за плечами — в те времена девушки носили их до восемнадцати лет, — а впоследствии в мужском костюме, особенно любимом ею, потому что он обрисовывал ее красивые, хотя и пышные формы, Елизавета была неотразима. Она сильно возбуждала мужчин, чаруя их вместе с тем своею живостью, веселостью, резвостью. «Всегда легкая на подъем», как говорил про нее саксонский агент Лефорт, она была легкомысленна, шаловлива, насмешлива. «Она как будто создана для Франции, — писал он, — и любит лишь блеск остроумия».

В январе 1722 г., объявляя ее, согласно обычаю, совершеннолетней в присутствии многолюдного собрания, Петр ножницами обрезал ей крылья. Ангел превратился в женщину.

Однако Екатерина I не оставляла своей мысли, и в 1725 г. она более или менее осторожно предложила Елизавету в жены Людовику Пятнадцатому. В то время уже подготовлялся франко-русский союз, но, продолжая дело Петра I, задумавшего его, Екатерина хотела положить в основание его это совершенно неприемлемое условие. Ясно было, что даже такой ценою не оправдывалось принесение в жертву естественных интересов России везде, где они в то время соприкасались с интересами

Луи Токке. Портрет императрицы Елизаветы Петровны

Франции — в Турции, Дании, Швеции, Польше. В этом направлении один вопрос об обладании Шлезвигом открывал уж целую пропасть. Франция гарантировала Дании владение им, между тем как на него предъявлял права Голштинский дом, состоявший уже в родстве с российским царствующим домом.

К тому же было чистым безумием предполагать, что в Версале согласятся серьезно обсуждать вопрос о браке французского короля с одной из принцесс, рожденных до брака.

И действительно, вопрос этот вовсе и не подвергался обсуждению. Подлинные документы, относящиеся к начатым по этому поводу переговорам, не оставляют на этот счет ни тени сомнения. Одиннадцатого

апреля 1725 г., принимая в аудиенции французского посланника Кампредона и разговаривая с ним по-шведски, чтобы не быть понятой окружающими, Екатерина объявила, что «дружба и союз с Францией были бы ей приятнее дружественных отношений всех остальных европейских держав». В тот же день императрица, не желая входить лично в дальнейшие объяснения, послала к Кампредону Меншикова, открыто предложившего на рассмотрение вопрос о браке Елизаветы с Людовиком XV. Он выказал себя весьма сговорчивым относительно условий брака и от себя сделал предложение, впоследствии считавшееся всегда совершенно недопустимым в России: о переходе Елизаветы в католическую веру.

Кампредон объявил себя весьма польщенным сделанным предложением, но попросил дать срок для сообщения его в Версаль и получения оттуда ответа. И не успел еще курьер вернуться из Франции, как в Петербурге разнесся слух о предстоящем браке Людовика XV с английской принцессой.

Екатерина все же не сдалась. На этот раз она выбрала посредником своего зятя, герцога Голштинского, и сообщила через него Кампредону, что, движимая желанием выдать Елизавету замуж во Франции, она удовольствуется и герцогом Орлеанским.

Во Францию вновь поскакал курьер. Но ответ из Версаля, отправленный двадцать первого мая, окончательно разбил упорные надежды императрицы. Выражения безграничной благодарности сопровождали самый решительный отказ, едва смягченный несколькими вежливыми формулами: в Версале «опасались, что императрице оказалось бы слишком неудобным перед своими подданными согласиться на переход цесаревны в другую веру». Затем выражалось крайнее сожаление, что «герцог Орлеанский принял уже другие обязательства»...

Это положило конец мечтам и отсрочило на долгие годы союз с Францией. Несколько месяцев спустя Россия стала во враждебные отношения с Данией, и франко-русская война казалась неизбежной.

При посредстве саксонского посланника Лефорта Елизавета чуть было не вышла затем замуж за побочного сына Августа II, несчастного кандидата на курляндский престол, красивого, мужественного, но слишком уж предприимчивого Морица. Какое падение! Лефорт послал этому странствующему рыцарю портрет цесаревны, снабдив его заманчивыми комментариями: «хорошо сложена, прекрасного роста, прелестное круглое лицо, глаза, полные воробьиного сока (*sic*), свежий цвет лица и красивая грудь».

Часть первая. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Мориц был скорее оболыщен курляндским престолом, чем возможностью разделить его со столь прекрасной подругой. По словам Лефорта, она ждала его «с величайшим нетерпением» (*avec démangeaison*). Но в то время место в Митаве было занято Анной Иоанновной, племянницей Екатерины I и вдовой Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского, менее привлекательной, чем Елизавета, но в данную минуту обладавшей лучшим приданым. Мориц не колебался в выборе между богатством одной из предполагаемых невест и прелестями другой. Герцогиня Курляндская также не замедлила благосклонно принять предложение жениха, тем более, что Лефорт предупредительно описал все его качества «вплоть до самых сокровенных».

Однако Елизавета одно время как будто одержала верх над своей соперницей. Мориц убедился, что, благодаря деятельности своего агента, французского полковника де Фонтенэ, он имел более шансов получить герцогскую корону вместе с рукой красивой цесаревны. Но когда Курляндия, а за нею вся Польша восстали против этой сделки, то и Саксония отступила от своего плана, и, в конце концов, Мориц остался без герцогства, а Елизавета без мужа.

Вскоре после этого ей пришлось, за неимением лучшего, изъявить согласие на брак с епископом Любской епархии Карлом-Августом Голштинским, младшим братом правящего герцога. Партия эта была более чем скромная, но злой рок или, скорее, счастливая звезда цесаревны не допустили этого брака. Жених умер, не дойдя до алтаря. Не предвидя лучшей партии в будущем, Елизавета глубоко опечалилась его смертью.

В утешение ей, великий государственный деятель следующего царствования, Остерман, облюбовал другой план. Соперничество разрозненных ветвей потомства Петра Великого становилось тягостным. За отсутствием какого бы то ни было династического закона, престолонаследие, после Екатерины, находившейся на одре смерти, вовсе не было обеспечено за сыном Алексея Петровича. На официальных торжествах и общественных богослужениях имена цесаревен Анны и Елизаветы провозглашались раньше имени маленького Петра Алексеевича, отпрыска наследника, отвергнутого своим отцом. Но это дело могло уладиться путем брака. Если бы Елизавета стала женой своего племянника, то престолонаследие не было бы оспариваемо по крайней мере с этой стороны.

На этот раз осуществлению плана воспрепятствовала церковь и, опираясь на ее голос, тогдашний властный хозяин страны, — а перед ним Остерман, в ожидании будущих благ, был еще весьма мелкой

Морис Кантен де Латур. Мориц Саксонский — побочный сын короля польского и курфюрста саксонского Августа II Сильного от Авроры фон Кёнигсмарк

сошкой, — Меншиков не желал брака Елизаветы с Петром, потому что готовил для будущего императора другую невесту в лице своей собственной дочери.

Всем известна развязка этой интриги, — опала и ссылка всемогущего временщика и несчастной Марии Меншиковой вслед за воцарением Петра Алексеевича.

Елизавета не сумела воспользоваться этим поворотом счастья, хотя сделать это было вполне в ее власти. Под влиянием Остермана Петр II влюбился в свою красивую тетку, и от нее зависело направить это весьма горячее чувство к цели, указанной честолюбию будущей императрицы тонким немецким политиком. Но в 17 лет это честолюбие еще недо-

Часть первая. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

статочно окрепло и не приняло определенной формы. Петр II сам еще был ребенком — ему шел тринадцатый год, следовательно, любовь, — как ни склонна была Елизавета подчиняться ее велениям, — также не могла руководить ею в данном вопросе.

Таким образом, она упустила случай и потеряла время.

Она не обольщала своего племянника, но принялась усердно будить в нем жизненные инстинкты. Она оторвала его от серьезных занятий и учебников с одной только целью делить с ним самые невинные из тех удовольствий, которым она склонна была предаваться по свойству своего темперамента, хотя они и не всегда соответствовали достоинству государя. Она развила в нем охоту, даже страсть к физическим упражнени-

Принц Карл Август Гольштейн-Готторпский — жених цесаревны Елизаветы Петровны, умерший в преддверии свадебной церемонии в 21 год

ям, будучи бесстрашной наездницей и неутомимым охотником, она увлекала его с собой на долгие прогулки верхом и на охоту. Во время этих поездок молодой император любовался прекрасными глазами, полными, по выражению Лефорта, «воробьиного сока», вздыхал у ног своей спутницы и слагал в ее честь плохие стихи, но, по возвращении домой, он вместе с Иваном Долгоруким ускользал по ночам из дворца в поисках более доступных наслаждений. Его роман возбуждал в нем желание их отведать, не давая ему вместе с тем никакого удовлетворения.

Но и этот роман, едва начатый, встречает вскоре препятствие, остановившее его дальнейшее развитие. Опять-таки против него вооружается Меншиков. Он дерзает даже отнимать у цесаревны, уже тогда очень расточительной, кошельки с золотом, которые ей дарит щедрый Петр Второй.

Тут уже Елизавета, глубоко уязвленная, сопротивляется и берет верх над врагом. Несчастную Марию Александровну заставляют вернуть кольцо, служившее залогом лучезарной будущности. Молодой государь теперь свободен располагать собой, и Елизавета на этот раз как будто готова использовать это обстоятельство.

Ей удастся ввести в круг приближенных Петра нового фаворита, Александра Борисовича Бутурлина, «министра священных тайн развлечений императора», как называет его Лефорт, а впоследствии фаворита цесаревны. Она сближается с Остерманом, все еще не отказавшимся от своего плана. Следуя советам своего руководителя или собственным наклонностям, она возбуждает ревность Петра, кокетничая с Иваном Долгоруким.

Но она заходит слишком далеко. Неокрепшее чувство, которое она старается насильственно развить этим путем, блекнет под давлением таких осложнений, и среди непрерывных охотничьих развлечений в Горенках, куда Долгорукие постоянно приглашают государя, любовь устраивает западню слишком предприимчивой цесаревне.

Пока она увлечена зародившейся страстью к Бутурлину, Петр II противопоставляет ей соперницу, молодую девушку, раскрывшую перед ним всю прелесть целомудренной и чистой привязанности.

Он обручается с Екатериной Алексеевной Долгорукой, «она великолепного роста, цвет лица у нее ослепительной белизны, глаза огненные».

Идиллия эта имела трагическую развязку, и у смертного одра Петра II наследственные права дочерей Петра не подвергались даже обсуждению. Другое потомство взяло верх, в царствование Анны Иоанновны и во время регентства Бирона судьба Елизаветы претерпела долгое и полное затмение.

В.А. Серов. Выезд императора Петра II и цесаревны Елизаветы Петровны на охоту

При жизни Петра II ее звали «Венерой», в противоположность сестре царя, серьезной и долгое время безупречной Наталье Алексеевне, носившей прозвище «Минервы». Елизавета и осталась «Венерой», «допуская без стеснения», писал испанский посол, герцог Лирия, «вещи, заставлявшие краснеть наименее скромных людей». Она собирала у себя в Александровской слободе самое легкомысленное общество, когда Анна Иоанновна заставила ее последовать за собой в Петербург, она продолжала тот же образ жизни и здесь в доме, стоявшем на окраине города и приобретшем весьма дурную славу.

Она жила в нем серо, почти бедно, билась в постоянных денежных затруднениях и находилась под неослабным надзором. В 1736 г. одну из ее горничных заключили в тюрьму, обвинив ее в непочтительных отзы-

вах о Бироне, затем подвергли допросу, высекли и сослали в монастырь. Возник было вопрос о заточении в обитель самой цесаревны. Она носила простенькие платья из белой тафты, подбитые черным гризетом, «дабы не входить в долги, — рассказывала она впоследствии Екатерине II, — и тем не погубить своей души, если бы она умерла в то время, оставив после себя долги, то никто их не заплатил бы и ее душа пошла бы в ад, а этого она не хотела». Но белая тафта и черный гризет должны были вместе с тем производить впечатление вечного траура и служили своего рода знаменем. Ее семья, — несчастная семья литовских крестьян, трое детей, две тетки, получившие аристократические имена и титулы, но бедные и испытывавшие самое презрительное обхождение со стороны Анны Иоанновны, — доставляли ей также немало хлопот и вводили в большие расходы. Она воспитывала на свой счет двух дочерей Карла Скавронского, старшего брата Екатерины I, и старалась выдать их замуж.

Знать пренебрегала ею как за ее рождение, так и за характер ее любовных увлечений. Таким образом ей пришлось, чтобы составить себе общество, спускаться все ниже и ниже.

В Александровской слободе она обходилась с крестьянскими девушками почти как с равными, катаясь с ними на санях или угощая их изюмом, орехами и пряниками и принимая участие в их играх и плясках. В Петербурге она наполнила свой дом гвардейскими солдатами. Она раздавала им маленькие подарки, крестила их детей и очаровывала их улыбками и взглядами. «В тебе течет кровь Петра Великого», говорили они.

Она показывалась публично весьма редко, лишь в торжественных случаях, и держалась серьезно и грустно, принимая протестующий вид, доказывавший, что она ни от чего не отреклась. То же самое угадывалось и в некоторых поступках, совершенных ею по внушению приближенных лиц, у нее самой никогда не было инициативы. Она навестила несчастного тверского епископа Лопатинского, выпущенного Анной Леопольдовной из тюрьмы, куда его заточила Анна Иоанновна.

— Узнаешь ли ты меня? — спросила она его. Надломленный многолетним заключением, старик долго искал в своих воспоминаниях, наконец он встрепенулся и радостно воскликнул:

— Ты искра Петра Великого!

Она оставила ему триста рублей, и об этом случае заговорили в церквах и монастырях.

Тем не менее, она казалась одинокой и почти забытой. Она оставалась красивой, но становилась слишком полной, и, подобно шекспировскому Цезарю, питавшему недоверие к худощавым людям с вваливши-

Часть первая. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

мися глазами, английский посланник Финч говорил, что она была «слишком толста, чтобы быть заговорщицей».

Ее считали обвенчанной с Алексеем Разумовским, малороссийским крестьянином, обратившим на себя ее внимание в церкви Анны Иоанновны, где он был певчим. Он, по-видимому, не принадлежал к числу мужчин, способных пробудить ее от нравственной спячки, охватившей ее вследствие злоупотребления различными удовольствиями, и заставить ее стряхнуть безропотную и ленивую неподвижность, по свидетельству французского посла Шетарди, делавшую ее «робкой в самых обыкновенных поступках».

Разумовский был просто красивым мужчиной, иногда буйного характера, после хорошей пирушки. В числе приближенных цесаревны находились оба Шуваловы, Александр и Иван, — тоже люди ничтожные, — и Михаил Воронцов, женатый на Скавронской, человек крайне сдержанный и осторожный.

Бирон, уже на высоте своего могущества, обнаружил было намерение озарить своим сиянием померкшее светило, что произвело переполох среди друзей и врагов цесаревны. Позднее, в правление Анны Леопольдовны, ее заподозрили в сношениях с опальным женихом, и клеветы Антона-Ульриха Брауншвейгского получили приказание арестовать его, если он отправится к Елизавете. Впрочем, в былое время Миних советовал Бирону заточить цесаревну, и она этого не забыла, все знали и поняли, что с этой стороны нечего было бояться и не на что надеяться. Тем временем событие, опрокинувшее эти предположения, подготовлялось — только не в кабинете маркиза Шетарди.

II

Это событие является одним из самых известных и тщательно изученных в истории. Малейшие подробности его были установлены по таким достоверным источникам и так талантливо изображены, что мое намерение повторить описание его на последующих страницах может показаться самонадеянным и бесполезным, тем более, что я не могу представить новых данных, во всяком случае ни одного документа, опровергающего те, что послужили первоначальными источниками. Берлинский архив, исследованный впервые по этому вопросу мною, оказался в полном согласии с парижским, где другие историки черпали сведения до